

Цзян Байси замолчала на секунду, но вместо гнева рассмеялась, потирая руки и с прищуром сказала:

— Сегодня такой шумный день, а эта золотая веточка так и не показалась?

Цзин Жань приподняла веки, а Цзян Байси, сделав паузу, перевела взгляд на Чжансунь Циму:

— Деревяшка, что ты думаешь?

Чжансунь Циму, сохраняя спокойное и величественное выражение лица, коротко ответила:

— Я не червь в животе Старшей принцессы Цзинь, чтобы знать её мысли.

Цзян Байси фыркнула, её глаза, подобные цветкам персика, с недовольством уставились на неё:

— Вы двое сражаетесь с детства, не думай, что можешь скрыть это от меня. Если даже ты не знаешь, где она, то никто не знает!

Чжансунь Циму постучала пальцами по столу и спросила в ответ:

— А ты не послала за ней слезку?

Цзян Байси замолчала, слегка покраснела и сказала:

— Я сейчас в отъезде, у меня не так много людей. Кроме того, кроме меня, никто не сможет за ней уследить!

Чжансунь Циму отвернулась и сухо сказала:

— Циньюэ — страна этикета, как мы можем так обращаться с гостьей? Если это станет известно, все будут смеяться.

Несмотря на то, что под поверхностью уже кипели тёмные воды, и все всё понимали, тонкая завеса всё ещё не была разорвана. Хотя Циньюэ была территорией Чжансунь Циму, она всё же находилась под давлением. Если бы она действовала опрометчиво, Цзинь Ян могла бы использовать это против неё.

Пэй Цзинсунь был ошеломлён их разговором, а Цзин Жань на мгновение растерялась, затем повернулась к Чжансунь Циму:

— Теперь, когда послы всех стран собрались, сегодня вечером будет дворцовый банкет?

Атмосфера вокруг Чжансунь Циму внезапно похолодела, она сжала губы и тихо ответила:

— Сегодня годовщина смерти бабушки, банкет назначен на завтра.

Цзин Жань почувствовала её настроение, посмотрела на неё и тихо кивнула.

Её бабушка, Императрица Дэци, скончалась три года назад. Она была человеком великого авторитета, но особенно любила Чжансунь Циму, заботясь о ней больше, чем о других детях старого императора.

К сожалению, все смертны, и всё, что они могли сделать, — это защищать и ценить тех, кто был

рядом.

Ночью в императорском дворце Цинъюэ горели фонари, их свет отражался на разноцветной черепице с изображениями драконов и фениксов, создавая красочное сияние.

Когда карета князя Дэциня остановилась у ворот дворца, впереди раздался вежливый голос:

— Это карета старого князя Дэциня?

Несмотря на то, что он уже давно оставил свой пост, дом князя Дэциня был знатным и влиятельным. Отец Цзин Жань умер рано, и старый князь Дэцинь взял на себя управление, заслужив уважение многих важных чиновников.

Занавеска кареты приподнялась, и несколько высокопоставленных чиновников, включая министра ритуалов и генерала дворцовой стражи, стояли впереди. Увидев старого князя Дэциня, они почтительно поклонились:

— Как здоровье старого князя?

Старый князь Дэцинь ответил, не сказав ни слова Цзин Жань, и вышел из кареты, чтобы пойти с министром ритуалов и другими.

Этот старик, Цзин Жань закатила глаза, отложила книгу и вышла из кареты.

Поскольку это был государственный банкет для приёма послов, чиновники третьего ранга и выше могли привести своих родственников. Цзин Жань вернулась в столицу несколько дней назад, и слухи о ней и Чжансунь Циму уже распространились. Многие молодые аристократы и их дочери были крайне любопытны, а некоторые хотели с ней познакомиться. Поэтому, увидев карету князя Дэциня, они собрались у ворот дворца, тихо обсуждая.

Двое молодых людей с приятной внешностью колеблясь подошли к Цзин Жань.

Цзин Жань слегка нахмурилась. Она знала круг молодых аристократов столицы, но с детства, кроме Пэй Цзинсуна, ни с кем не общалась. Вернувшись, она лишь бегло просмотрела современные записи, принесённые Е Чи, и знала о большинстве лишь поверхностно, не желая заводить знакомства.

Вдруг сзади раздался звонкий голос:

— Это брат Цзин?

Двое впереди остановились, а Цзин Жань, подняв бровь, обернулась. К воротам приближалась карета с табличкой «Дом Шу». Занавеска была отодвинута, и из неё выглядывало улыбающееся лицо.

В империи Юэ только дом генерала дворцовой стражи носил фамилию «Шу». Старшая принцесса Чжаожун, сестра императора Юэ, вышла замуж за представителя этого дома и родила дочь, активную и остроумную, которую особенно любили императрица и император, дав титул «Шу Луань». Вероятно, это была она.

Карета ещё не остановилась, как Шу Луань выпрыгнула из неё и побежала к Цзин Жань, а мамушка Чжао сзади кричала:

— О, княжна, бегите медленнее, а то упадёте!

Цзин Жань подняла бровь. Девочке лет тринадцати-четырнадцати было по плечо, она была одета в красную накидку с мягким мехом, а её кроличий воротник развевался на ветру. Хотя её лицо не было идеальным, её кожа была белой с розовым оттенком, что придавало ей миловидность.

Когда она уезжала из столицы, эта девочка ещё училась ходить, и она не понимала, как та могла её узнать и так тепло относиться.

Цзин Жань ещё не успела заговорить, как Шу Луань схватила её за руку и, подняв голову, звонко засмеялась:

— Это действительно брат Цзин! Я видела твой портрет в кабинете девятой сестры, когда была маленькой. Не думала, что спустя столько лет ты будешь ещё более изящным и прекрасным, словно бессмертный из книг. Бабушка и девятая сестра действительно не обманули меня.

Её девятой сестрой, вероятно, была Чжансунь Циму, а бабушкой — та самая императрица, которая так любила её и Чжансунь Циму. Цзин Жань моргнула, вспомнив слова Чжансунь Циму в Императорском кабинете в день её возвращения.

— Мамушка Чжао, я пойду поговорю с братом Цзином, а вы следуйте за нами, — не дожидаясь ответа Цзин Жань, Шу Луань повернулась и, взяв её за руку, направилась к Залу Циньань.

... Ну что ж, теперь даже проводник не нужен. Однако, судя по репутации этой маленькой непоседы, все молодые аристократы, увидев их вместе, замолчали, избавив её от необходимости общаться.

Шу Луань, держась за рукав Цзин Жань, вдруг с досадой хлопнула себя по лбу и, повернувшись, с улыбкой сказала:

— Забыла сказать, брат Цзин, ты меня знаешь?

Цзин Жань взглянула на схваченный рукав, затем на улыбающееся лицо Шу Луань, подумав, что это всего лишь ребёнок, и с улыбкой ответила:

— Конечно, знаю. Маленькая княжна, которая не любит музыку, шахматы, каллиграфию и живопись, но обожает играть в маджонг и сражать сверчков. Во всём Цинъюэ такая только одна.

Шу Луань ахнула:

— Брат Цзин, ты тоже, как девятая сестра, дразнишь меня! Все эти скучные вещи, в столице полно молодых аристократок, которые в них разбираются, я не исключение.

Эта деревяшка ещё и дразнит?

Цзин Жань с интересом посмотрела на Шу Луань, уголки её губ слегка приподнялись. К тому же эта девочка в каждом предложении упоминала «девятую сестру», видимо, была близка с Чжансунь Циму. Неожиданно, что такая холодная и жёсткая личность могла быть популярной среди детей.

— Кстати, брат Цзин, сегодня на Звёздной башне сказали, что ночью будет сильная метель. Почему ты так легко одет? Ты поправился? — Шу Луань сморщила нос.

— ... Ничего серьёзного, просто я более чувствителен к холоду и жаре, чем остальные, — подумала Цзин Жань, что её слабое здоровье уже стало общеизвестным, но это избавило её от многих проблем.

— Почему ты не надел ту накидку, которую подарила тебе девятая сестра? — Шу Луань вздохнула и топнула ногой. — Брат Цзин, ты даже не знаешь, что девятая сестра, чтобы подарить тебе эту накидку, целый месяц вставала рано и возвращалась поздно, шла в горы в сильный снег, чтобы выследить белую нефритовую куницу, которую не могли найти несколько лет подряд на зимней охоте. Она собрала целых шесть шкур, и мастерицы из мастерской «Сяньи» шили её дрожащими руками, боясь испортить.

Сердце Цзин Жань дрогнуло, а Шу Луань, высунув язык, добавила:

— Тогда я случайно увидела её и очень полюбила, долго просила девятую сестру подарить её мне, но она отказалась. Потом я узнала, что она предназначена тебе.

<http://bllate.org/book/16717/1536886>